

СРПСКА АКАДЕМИЈА НАУКА

ИНСТИТУТ ЗА СРПСКИ ЈЕЗИК

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ

Уређује
А. БЕЛИЋ

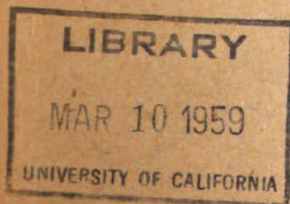
уз сарадњу

д-ра *Алексића Радомира* (Београд), д-ра *Вуковића Јована* (Сарајево), *Конеског Блажа*
(Скопље), *д-ра Нахиџгала Рајка* (Љубљана), д-ра *Павловића Миливоја* (Нови Сад),
д-ра *Стевановића Михаила* (Београд), д-ра *Томановића Васа* (Скопље),
д-ра *Хрстије Мајна* (Загреб)

XXII КЊ. 1—4 ^{16.}

JUŽNOSLOVENSKI FILOLOG

БЕОГРАД
1957—1958

ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПРЕДЛОГОВ

Нет никакого сомнения, что в индоевропейском языке предлоги уже существовали. Вопрос только в их употреблении. Что они употреблялись как префиксы для различного более близкого определения глаголов — это тоже ясно, но несомненно также, что они были оформлены уже в упомянутое время и как предлоги в нашем смысле этого слова.¹

Для того, чтобы понять сущность этой языковой категории, необходимо, как мне кажется, остановиться прежде всего на основных значениях косвенных падежей и на их общем происхождении. Но так как это потребовало бы обширных и всесторонних обсуждений, для которых тут нет места, то я остановлюсь только на критических замечаниях о косвенных падежах, которые являются результатом моих исследований, отчасти печатающихся, а отчасти уже напечатанных (О језичкој природи и језичком развиту II т., гл. X; ср. также I т. гл. XVII, XXI, XXIV—V).

1.

Мне приходилось несколько раз говорить о том, что падежные отношения не что иное как отношения между понятиями предмета и другими понятиями, означаемыми различными категориями слов. Так Brugmann говорит и о значениях самих падежей (т. е. зависимых падежей): они стоят в зависимых отношениях к глаголу и к существительным (местоимениям).² Рассматривая

¹) Вопреки утверждению де Соссюра „В индоевропейском языке не было предлогов“ (Курс общей лингвистики, Москва, 1933, 165), Бругманн недвусмысленно утверждает противоположное (Grundriss II², 2, 1911, 762: „Übergang von adverbialer Funktion eines Wortes zu präpositionaler Geltung muss schon in der Idg. Urgemeinschaft in weitem Umfang stattgefunden haben, und diese Art der Bildung von engeren syntaktischen Gruppen im Satz hat sich von jener Zeit an bis auf den heutigen Tag in allen Sprachzweigen immer von neuem vollzogen“).

² KVglGr. II 417.

значения падежей и Бругманн и Дельбрюк и др. группируют их по окончаниям и значениям, которые являются в различных индоевропейских языках. По моему, они относятся к очень поздней эпохе. В это время получились уже традиционные результаты основных значений падежей в их применении. Значит, это не основные их значения. Вообще, если взять все основные значения падежей, предлагаемые Бругманном или кем-нибудь другим из младограмматиков (Дельбрюком, Гиртом и под.), то не трудно убедиться, что тут имеется уже полная реализация употребления основных значений падежей в различных ситуациях; напр., если взять творительный падеж, то значения социатива (или коммитатива), с одной, и инструменталю, с другой стороны, представляют значение „общности“ в различных применениях. Однако, для меня в данном случае является существенным: 1) определить в каких условиях создаются основные значения падежей и 2) как их можно определить.

Я думаю, что основные значения зависимых падежей можно встретить там, где отношение зависимости не нарушено ничем, где оно является в чистом виде. Таков случай, прежде всего, в сложных словах, в которых имеются или корни слов или основы, а затем у производных прилагательных. В производных прилагательных имеется налицо более близкое определение существительного существительным, напр. нем. *Waldbaum*, в котором *Wald*, хотя оно и существительное, появляется в функции прилагательного. Отсюда вытекает несомненный факт, что часто в славянских языках употребляемые окончания прилагательных (напр. -ьнъ, -ьна, -ьно и под.) показывают только, что в данном случае существительное в функции прилагательного.⁸

Если взять эти две категории, не трудно прийти к заключению, что действительно отношения основ существительных к другим словам, которые ими определяются, — представляют значения падежных отношений, как это можно видеть у меня в выше приведенной ссылке. В этих случаях, понятно, имеются отношения, только напоминающие падежные значения, окончательно сложившиеся, а не дающие их в готовом виде. Они даже многочисленнее падежных значений, но, главным образом, сводятся к отношениям между понятиями, которые в конечном итоге и дали определенные падежные значения.

⁸ Ср. и то и другое у меня *О језичкој природи II књ.*, гл. XV, т. 2, I књ., IV, т. 65.

2.

Я уже давно пришел к заключению, что самое общее значение всех зависимых падежей — их зависимое отношение, остающееся у них всегда присущим и при различных изменениях, которым оно подвергается. Это, собственно, — отношение одного предмета к другому понятию предмета или какой-нибудь особенности (глагола или прилагательного). Это — общее значение родительного падежа, а у других падежей оно превратилось в другие значения-отношения. Так, в дательном оно превращается в значение предназначения (по-сербски „наменѣ“), в винительном в дополнение⁴, в творительном в отношении „общности“ и в местном — в отношении места (какое место, это зависит от реализации этого отношения, напр. долъ или долу „в долине“, а потом „внизу“ и под., горъ „на горъ“, на верху“ и под.).

Можно было бы спросить — на основании чего можно первоначальное значение падежей определять таким образом. На это следует ответить: 1) если считать, что все наши падежи сводятся к пяти категориям: к родительному падежу, заключающему в себе и отложительный падеж, дательному, винительному, творительному и местному, то, по моему мнению, их реальное осуществление, породившее наши общие индоевропейские значения падежей, и сводится к указанным значениям отношений. Что касается родительного падежа, который мог бы возбуждать сомнения, — о нем см. ниже; 2) я думаю, что на такие падежные отношения указывают и сложные слова и производные отыменные прилагательные.

Все падежи-отношения получают реальное значение при актуализации: таким образом, при применении к лицу творительный превращается в социатив, при применении к вещи — в инструменталь и т.п. Что касается родительного падежа, тут можно сказать, что полная стабилизация его реализации установилась довольно поздно, я думаю, только в отдельной жизни индоевропейских языков, хотя некоторые общие условия его развития в отдельных индоевропейских языках имелись уже в праиндоевропейском языке. Поэтому эти значения и не совпадают вполне в этих языках. Очень поучителен в этом отношении индийский язык,

⁴ Если сказать объект (предмет), как это делает Дельбрюк, то этим суживается его значение: прямое дополнение глагола может быть очень разнообразным, хотя оно соответствует винительному падежу.

как я уже указывал.⁵ В нем рядом с некоторыми падежами *adhikarana* (локатив), *kartar* (инструменталь) употребляется родительный падеж, и притом родительный падеж употребляется одинаково в роли всех зависимых падежей. Это для меня значит, что родительный падеж, имея значение общей зависимости, употребляется и рядом с известными падежами уже вполне сформировавшимися. Только в течение исторической жизни индоевропейских языков углублены дифференциальные значения родительного падежа, что обозначало и освобождение его от значения общей зависимости. Основные значения падежей, как видно из приведенных значений, собственно, падежные отношения, т.е. известного рода отвлеченные значения падежей. Такое значение и можно было предположить у отношений между предметом и другими понятиями (существительными, местоимениями, глаголами, прилагательными и наречиями). Но в значениях наших падежей, напр. в сербскохорватском языке, а это относится и к другим славянским языкам, мы имеем уже реальные значения падежей, напр. родительного притяжания, партитивного, а также и аблативного значения и т. под. и у остальных падежей. Это значит, что реализованное значение, в данном случае родительного падежа, стало быть, общей падежной зависимости, или касания, дало при полной зависимости предмета значение обладания предметом или его притяжания, при частичной зависимости — обладания частью предмета или его партитивности, а при зависимости по происхождению — обладания предметом по происхождению или аблативности. Что-то подобное имело место и по отношению ко всем остальным падежам. Вот почему исчезло старое обозначение места, ибо общего места нет. В начале обозначение места зависело от значения слов при которых употреблялись существительные в местном падеже. Ср. с этим уже упомянутые наречия: *долъ*, *долоу* „в долине“ и *горъ* „на горъ“: то же местное обозначение в одних случаях получало значение предлога *в*, в других — значение предлога *на*. Конечно, этим еще не объясняются предлоги, но указывается на то, как реализовались падежные значения при приурочении их к реальным фактам.

3.

Старославянский язык со своими предлогами представляет только один из отдельных славянских языков: в нем имеются предлоги старого типа, как *ошъ*, *изъ*, *на* и под.; наречия, употребляющиеся

⁵ Ср. О језичкој природи I 248—9, Delbrück Vergl. Synt. I 174, Brugmann KVglGr. II 418—9.

как предлоги: *Прошивъж, окръшь, ѿрѣмо* и под. и, наконец, предлож-ные синтагмы в зачаточном состоянии: *въ... мѣсто* (*въ Ирода мѣсто*) и *за... ради*, сохраняющие своеобразный порядок.⁶

В первую группу входят предлоги праславянские и, большей частью, праиндоевропейские: *безъ, въ, възъ, до, за, изъ, къ, надъ, подъ, прѣдъ, о, объ, отъ, оу, по, при, съ*.

Все эти предлоги сочетаются с косвенными падежами, кото-рые соответствуют их значениям: *безъ* — с родит. отложит., *възъ* с винительным, *до* с родит. отлож., *за* с винит., *изъ* с родит. отлож., *къ* с дательн., *о, объ* с местн., *ошъ* с род. отл., *оу* с род. отлож., *по* с дат., *при* с местн., *съ* с твор. Я тут не упомянул значения предлогов *надъ, прѣдъ, подъ*, которые, хотя и обозначают место, сочетаются с творительным падежом. Это — потому что упомяну-тыми предлогами обозначается первоначально мера, которой что-нибудь превышает что-нибудь другое, ср. в сх. *глазѣмъ вѣшъ* „головой высший“ и под., или „ниже“ или „дальше от ч.-н. дру-гого“. Таким образом *надъ мѣномъ, над хлѣмомъ, надъ домѣмъ* обо-значали первоначально *мѣномъ надъ, хлѣмомъ надъ, домѣмъ надъ*, т. е. „моим ростом выше“ и под. Так как в данном случае наре-чие ближе определялось при помощи *мѣномъ*, то оно и начало употребляться перед творительным *мѣномъ* и под. Все эти наречия обозначали меру, которой определялось насколько что-нибудь *выше, ниже, дальше* и под., т. е. кроме известного компаративного значения, которое все еще чувствовалось, они обозначали и *место*, но они из-за компаративного нюанса остались с творительным падежом и тогда, когда их компарация стала бледнеть.

И у всех остальных предлогов этого типа — *за, между* и под. — со значением их согласуется и существительное, которое они стали ближе определять, внося в их творительный падеж и значение меры.

4.

Одно из доказательств, что эти предлоги — бывшие наречия, именно то, что почти все они употребляются как префиксы гла-голов с определенным значением. Некоторое доказательство этого может быть и известная свобода в употреблении этих предлогов в старославянском, как *въ Ефреъмъ нарицаемъ градъ* и под.⁷ и упо-требление *ради* и *дѣла* за зависимым существительным. Что каса-ется остальных индоевропейских языков, трудно найти для всех

⁶ Перечень старослав. предлогов см. у Вайана, *Manuel du vieux slave*, Paris, 1940, I, 182—192.

⁷ См. Vaillant, op. cit. 182.

предлогов соответствующие наречия.⁸ Одним из доказательств служит тот факт, что кроме указанных предлогов есть целый ряд других в ст. слав. языке, которые представляют несомненно наречия, и отчасти как таковые еще употребляются в текстах. Сюда относятся: *сквозѣ*, *скозѣ* (с винит.), *чрѣсъ* (не сохран. в ст. слав.), *подлѣгъ* „вдоль“, *врѣхоу* (с родит.), *кромѣ* (с родит.), *окрьшь* (с родит.), *прѣжде*, *развѣ*, *скѣни*, *мадѣ* (все с род.), *сѣрань* (с род. ц. сл., ср. р. *сторонѣ* *полаты*), *близѣ* (с род., *близѣ бѣ мѣсто града*), *по срѣдѣ морѣ* (ср. и *по срѣдѣ двѣма живошма*), *въ слѣдѣ его*, *въс краи ѣзера*, *вънѣ*, *вънѣ*, ср. *ради*, *радыма* и *дѣлы*, *дѣлыма* (ст. мак. и ст. болг.), *въ... мѣсто*, *за... ради*, *прошивж* (с дат.), *прѣмо* (с дат.), *между* (с твор.).

Из примеров ясно, что в большинстве случаев мы имеем один из косвенных падежей существительного, дающий данному наречию специфическое значение и определяющий этим и его употребление (ср. *врѣхоу* лок. = „наверху“, „свыше“, *по срѣдѣ*, *въс краи* = „рядом“, *въ слѣдѣ*, *между*, *въ... мѣсто* и под.). В других случаях, где окончание не совпадает со значением данных предлогов, правящим фактором является значение, т. е. согласование совершено на основании его (ср. *сквозѣ* с винит., *прошивж* с дат., *кромѣ* с родит., *прѣмо* с дат. и под.). Некоторые из этих наречий-предлогов представляют наречные образования (напр. *окрьшь*, *сѣрань*, *близѣ*, *вънѣ* и под.), есть и наречия глагольного происхождения (*мадѣ* *attendant à*; другого происхождения *ради* и *дѣлы*, *дѣлыма*). Сюда относятся и *подлѣгъ*, прилагательное по происхождению, „le long de“, представляющее сложное слово и употребляющееся с вин. пад.

Многие из этих предлогов сочетаются с двумя или тремя косвенными падежами, в зависимости от необходимого изменения их значения в связи с контекстом (ср. вин. и местн. *въ*, *на*, вин. и твор. *надѣ*, *подѣ*, *прѣдѣ*, вин. род. твор. *за* и т. под.).

Этот анализ дает нам следующее: новые предлоги ст. слав. языка представляют 1) существительные в одном из косвенных падежей или 2) наречия, с окончаниями косвенных падежей. Когда у наречия форма не согласна со значением, в употреблении правит значение. Впрочем, есть и наречия по образованию различного типа.

Все это указывает на следующее: новые предлоги образуются всегда от наречий, будь они косвенные падежи существительных или наречные образования по происхождению.

⁸ Ср. ниже.

Если иметь в виду, что и наречия представляют новые образования от существительных, прилагательных и глаголов, то ясно, что наречия представляют переходную ступень, через которую предлоги должны пройти. Это относится и к старым славянским односложным предлогам, о которых мы выше говорили, но которых происхождение покрыто глубоким неясным прошлым. К нам они, вероятно, пришли уже в форме предлогов. Но так как и старые предлоги имеют все особенности новых предлогов, трудно предположить, что их происхождение иное, чем у новых предлогов. Прежде всего, и у всех старых предлогов имеются две основных особенности: они имеют общее значение косвенных падежей и в то же время обозначают известную модификацию данного общего значения косвенного падежа. Так, напр., *изъ* обозначает отложительный родительный + внутренность предмета, *въ* означает местное значение + поверхность предмета итд. Только у трех предлогов можно было бы предположить всего один из указанных моментов: у *ошъ*, *къ* и *съ*. Но и эта возможность только кажущаяся: *ошъ* уже в старославянских текстах в одних случаях употреблялось обязательно (*Исходаште отъ града* и под.), т. е. тогда, когда обозначен момент, предел, предмет, от которого движение начинается, а когда этого нет, употребляется родит. отложительный без предлога *ошъ* (*вѣгати в'сакоа зяловы* и под.): в русском и сербскохорватском языке это сохранилось до нынешнего времени. Относительно предлога *къ* можно указать на русский язык или сербскохорватский, в которых предлогом *къ* обозначается только направление к определенной цели, тогда как дательным падежом без *к* обозначается общая направленность (по сх. „намена“ — *дать кому-нибудь, сказать кому-нибудь* и под.). Что же касается предлога *съ*, употребляющегося только в социативе, — ясно, что его значение было уже значения старого инструменталя, так как оно сочеталось только с частью его значений. Таким образом, и этих три предлога нельзя исключить из ряда всех остальных, имеющих два указанных момента: то-есть, и общее значение данного косвенного падежа и известную его модификацию.

Эти два момента ясно указывают на происхождение предлогов и этого ряда: из косвенных падежей + наречие или существительное. В конечном итоге это должны были быть существительные, налагающие свою падежную систему или систему своих косвенных падежей на другие слова (которые могут быть и существительными), а получающие потом от них второй момент, модифицирующий общее значение косвенных падежей.

Для данного вопроса и сопоставление с другими индоевропейскими языками не дает ничего нового, ибо предлоги были уже вполне образованы в эпоху индоевропейского праязыка и как префиксы (глагольные наречия) и как предлоги (определяющие ближе косвенные падежи существительных). В этом можно убедиться из отдела о предлогах в Grundriss-e Бругманна (Grundriss II, 2 1911, 757—930). Конечно, на основании материала других славянских и неславянских языков яснее становится кое-что в деталях (напр. употр. предлога *по* с дат. и местным падежом, предл., *съ* с творительным и род. пад.), но для принципиальных вопросов они дают мало нового.

И в сербскохорватском языке употребляются многие наречия как предлоги, которые могут послужить как новое подтверждение того, что сказано о старых предлогах в старославянском. Наречие *близу*, имея компаративное значение, требующее родительного отложительного, согласуется с *кућѣ, дѣма* итд. и создавая синтагму, в которой оно поясняет (модифицирует) родительный отложительный, оно становится предлогом, занимая место перед существительным. Таковы предлоги *више, ниже* (ср. наречие *вѣше* — höher, altius и предл. *више* — ober, supra, *ниже* — niedriger, предл. *ниже* — nieder), *После, Пре* (наречие *nachher, postea, vor, antea* и предл. *nach, post, vor, ante*), *Пошом* (диалект. как предлог, обыкновенно наречие *hernach, posthac*) — везде тут имеется родительный отложительный как и у *близу*. То же самое имеется и у наречий — предлогов *ван, изван* (нар. *hinaus, foras*), *око* (нар. около, наоколо *gundherum, umher, circumcirca*), *прошив* (*gegen, contra*). И тут содержится в самих наречиях значение обособления, исключения, становления на противоположную сторону, нахождения кругом — значит, известного сопоставления или отсутствия и под., требующих родительного отложительного, с которым они и согласуются, становясь словами определяющими ближе родительный падеж, т. е. предлогами. Относительно наречий *кроз, проз* в сербскохорв. языке (*durch, per*), *мимо* (*vorbei, praeter*) и *низ* ясно, что обозначая направление — они должны согласоваться с винительным падежом, и они так и употребляются с винительным падежом цели и направления (виативом). Это относится *mutatis mutandis* и к наречиям-предлогам других славянских языков (ср., напр., в русск. языке, как впрочем часто и в сч., употребление *мимо* с родительным отложительным, ибо в нем воспринимается яснее компаративный нюанс, *низ* — в русск. яз. употребляется иначе (*вниз*) и под).

Так как из приведенных примеров не трудно убедиться, что у многих из них требование известных падежей заключается в их фактическом, а не формальном значении (происхождением от существительного), то ясно, что подобное отношение можно предположить и у старых предлогов.

Что касается перехода наречия в предлог, не трудно его понять, если сопоставить предложения только с наречием и с наречием и существительным, ср. *Он сШанује близу* (он близко живет) и *Он сШанује близу школе* (Он живет близко к школе). Тут ясно, что в первом случае *Он живет близко, не далеко, на небольшом расстоянии* и под. Наречием определяется глаг. *живет*, а во втором случае *Он живет близко к школе* — *близко к* непосредственно определяет *школе*, а оба слова вместе, т. е. наречная синтагма *близко к школе*, определяет гл. *живет*. Это значит, что наречие из непосредственной связи с глаголом *живет*, перешло в непосредственную связь с дательным падежом, который им и поясняется (глагол. наречие); в глагол + наречие + существительное в дат. пад. > глагол. + наречие + существительное. В серб. примере *Он сШанује близу школе* — *близу* сразу примкнуло к *школе*, пояснив родит. пад. этого последнего слова и став, благодаря этому, предлогом.

5.

Возьмем теперь новые предлоги, которые в сх. языке представляют по происхождению существительные: *врх* (auf, über, supra), *дно* (unten, in inferiore, in extremo, in imo), *дуж* (secundum, ср. существит. *дуж -и*), *крај* (neben, bei, ad), *место* (statt, anstatt), *уш* (gegen, ad), *чело* (zu, ad).

Как видно из приведенных значений, все эти существительные как предлоги имеют совершенно другое значение. Это изменение значения существительные получили, главным образом, благодаря наречным синтагмам, которые и помогли дальнейшему образованию предлогов, а в известных случаях, и благодаря новым значениям, которые эти существительные получили в языке. Существительное *врх* в предложении *Он је сШајао на врху брда* обозначало собственно „на наивысшем месте холма“ (ср. напр. *врхови друштва* самые высшие представители общества), а это равносильно и „свыше холма“; или *он се појео на врх брда* „он взобрался на самую верхнюю часть холма“. Отсюда *врх брда* или *врху брда* обозначало и »сверх „брда“«, так как, по необходимости, пришлось понять, что *брдо* под тем, кто на нем находится, значит он сверх

„брда“. *Врх брда*, на *врху брда* означало тут, собственно, на холме, на горе. Родительный отношения (брда) находился сначала в зависимости от существительного *врх*, а теперь обратно, предлог *врх* поясняет его (брда). Таким образом, получилось тут значение местного отношения; „врх (врху)“ поясняло или, лучше, ближе определяло это местное значение. Особенность всех новых предлогов, развившихся от существительных, — сохранение той падежной конструкции, какая имела еще в наречной синтагме. Это относится ко всем этим случаям, какое бы значение предлоги ни получали. В примерах *дно села*, *доља*, *Шрпезе* итд. „дно“ обозначало в нижней части села, поля, трапезы (стола) и под. „Он је пао на дно пакла“, „на дно мора“ — обозначает в самую глубину пекла, моря и под. Полное значение этой синтагмы сосредоточило на себе слово *дно*, ибо этим словом ближе определялось существительное, а оно больше не обозначало *дно*, но в самой глубине. Для понимания отрешения *дно* от остальной части синтагмы приведу следующие соображения. Как только существительное *дно* начало обозначать самую большую глубину и стало вместе, конечно, с остальной частью синтагмы определять родительный падеж, то общее значение синтагмы сконцентрировалось на последнем слове ее, которое уже примкнуло к родительному падежу. Поэтому это одно слово и могло отрешиться от синтагмы и употребляться как предлог, имеющий значение всей наречной синтагмы. Остальные предлоги стали ненужными; но они могли и оставаться в синтагме. Тогда они вместе с предлогом обозначали одно слово. Это значит, что предлог должен быть или одним словом или одним сложным словом. Пока он таким не станет, данное сочетание представляет или наречно-предложную или предложную синтагму, но оно еще не предлог. Это относится ко всем словам-предлогам. Таким образом, и предлог *на* не был больше необходим, но падежная конструкция осталась, какой она была в синтагме. В предложении *Место воде дошече вино*, *Тако пейео не сејао место сјемена*, *Тако с кокошом не орао место волова*⁹, *Досјети се да су га узели на место брата* — ясно, что только в последнем примере имеем первоначальную синтагму с этим существительным. *Они су га узели на место брата* обозначает „заменя брата“. Таким образом, целая синтагма „на место брата“ начала это обозначать и сосредотачиваться на *место*, так как оно являлось в синтагме самым существенным словом, которым и правился родительный относительный

⁹ Ср. у Даничића Србска синтакса, 1858, 148—150.

пад. *браша*. Так как при таком изменении значения предлог *на* не был больше нужен, то он мог пропускаться. Таким образом, *место* получено и во всех других примерах, означая в них „замещающая“, „заменяющая“, „взамен“ и под. Тут видно, что получено предложное значение *замены*, а падежная конструкция осталась и дальше конструкцией той синтагмы, в которой *место* было еще существительным. Конечно, и старые синтагмы *на место браша*, *у место браша* и дальше сохранились, рядом с *место* без предлогов. При новом значении (предложном) они не были необходимы. В примерах как *уз дуж Саве* — *уз дуж* обозначало „рядом“, „параллельно“, по сч. „напоредо са С.“ и под. Как только это значение получено, оно сосредоточилось на главном слове *дуж*, ибо при указанном значении *уз* не было больше нужно (ср. сербскохорв. наречие *уздуж* и *пдпрёко* и под.). Слово *чело* („лоб“) получило в сербскохорв. значение „самое главное место“, „почётное место“, „заведующее место“ (ср. „он је стао на чело дружине“, „налазио се на челу колоне“, „на челу службеника“ и т. д.). Отсюда развилось значение „выше остальных“. С этим значением оно употребляется как предлог, отбрасывая ненужное теперь *на*, ср. „Чело главе ружу посадите“ и под. Подобное объяснение и у *пуш*, *крај*. Существительное *пуш* получило значение „правац“ („направление“ и под.). Таким образом „Па погледа *пушем* или *пуш сунца*“ обозначает и в том и в другом случае „по направлению к“, „у правцу сунца“. Вот это значение „у правцу сунца“ или под. и получила указанная синтагма, совпадая с предлогом *према* по значению. Это значение *пуш* и получило, но несмотря на то, что получило значение дательного падежа, как и в других случаях этого рода, оно сохранило старую конструкцию. И наконец, *крај* употреблялось в синтагмах *Он седне до крај њега* (ср. *он седне поред њега* и под.), обозначая тут *рядом*, т. е. было равносильно значению предлога *уз*, которого значение сосредоточено на *крај* как на правящем слове. Тогда предлог *до* мог и опускаться, хотя и *покрај* еще и дальше употребляется.

Кроме указанных примеров перенесения значения наречной или предложной синтагмы на составное существительное, есть случаи употребления в качестве предлога и целой синтагмы, напр. *поред* (по + ред, neben, bei), *полаг* (secundum, pages, вероятно от * ро + льг), *надомак* (nahe, rprore), *уочи* (den Tag vorher, pridie). В *поред* имеем, вероятно, значение *ред* = *крај*, так что оно сводится на аналогию *покрај*; *полаг* и *надомак* — глагольные синтагмы, с существительными * льгъ и * домъкъ и со значением по положению: „на достижении“ = „близко“. Они получили предложное

значение и остались синтагматическими по форме. *Уочи* — как синтагма значит „непосредственно“, „прямо“ (ср. „Рекао му је *уочи*“ и под.); отсюда и *уочи дана* начало обозначать „непосредственно перед“.

У нас еще три предлога, обозначающих приблизительно то же самое, этимологии которых неясны: *због* (wegen, propter), *цећа* (цијећа, цјех: wegen, propter) и *ради* (um-willen, ob-, wegen, propter). Что касается *због* и *цећа*, которые являются предлогами специфически сербскохорватскими, то о них можно сказать следующее. Так как они указывают на причину, а сочетаются с родительным падежом, не являющимся падежом причины, я думаю можно предположить, что указанные предлоги — существительные (как *место*, *врх*, *чело* и др.), сочетавшиеся с родительным отношения. Что касается предлога *ради*, появляющегося уже в праславянском языке, — ср. староперс. *gadiy* „због“, среднеперс. и новоперс. *gāi* „због“, ст. инд. *gadhā* п. „склонность, благословение“,¹⁰ — оно может быть также таковым, но его форма все еще недостаточно выяснена.

Рассмотрение всех примеров, в которых употреблялось существительное как главная часть наречной синтагмы, показывает, что оно остается постоянно с той конструкцией, какая имела еще тогда, когда существительное синтагмы правило родительным падежом от него зависящего существительного. И тогда, когда существительное превращалось в предлог, конструкция оставалась той же самой, какой она была и раньше, несмотря на то, что ею получалось совершенно другое значение.

Это же мы могли констатировать и у старых предлогов, когда установили, что предлоги типа *прѣдъ*, *надъ*, *подоъ* и под., хотя в начале сочетались с инструменталем, остались с конструкцией этого падежа, и тогда когда они начали обладать преимущественно местным значением. Подобное явление мы констатировали и у предлогов второй группы, напр. у предл. *више*, *ниже* и под., около которых был вначале правильно родительный отложительный; но он остался и тогда, когда и тут значение стало преимущественно местным.¹¹

Все это показывает, что предлоги с существительными образовали очень тесную связь, известного рода целое, сохраняющееся так, как оно сложилось. Редко в этой связи предлог получает

¹⁰ Ср. Фасмера R. E. W. s. v.

¹¹ Ср. по поводу этого явления мои статьи *Substantivum adverbiale*, *Mélanges offerts à Jack. van Ginneken*, 73—79; *Sur le développement des syntagmes adverbiaux*, *Mélanges offerts à Holger Pedersen*, 406—409.

силу видоизменения падежной формы существительного, когда его значение меняется. Это еще лишний раз свидетельствует о том, что согласование предлога и существительного совершается на основании совпадения их значений. Если они образовали предложную синтагму, она остается обычно неизменной.

6.

В конце сделаем несколько общих примечаний.

Прежде всего, в природе всех предлогов, и старых и новых, и настоящих предлогов, и только становящихся таковыми, заключающихся в одном слове, в сложном слове, во вполне сформированном предложном сочетании (в предложной синтагме) или еще не вполне сформированном синтаксическом предложном сочетании — всегда имеются оба существенных момента: а) значение какого-нибудь зависимого падежа и б) значение модификации этого падежа в самом различном смысле.

Эти моменты важны по следующим соображениям: значение какого-нибудь зависимого падежа, что равносильно требованию дополнения в этом падеже, важно для привлечения существительного дополнения к предложному образованию в том же падеже; значение модификации данного падежа заключается в том, что эта модификация этим самым относится и к зависимому падежу дополнения.

Третий момент, общий всем указанным предложным категориям, относится к другим словам в предложении. Наречия — предлоги большей частью, а, быть может, и всегда, имеют предварительное значение и часто наличное значение наречий. Но как только глаголы получают дополнения, которые относятся и к этим наречиям — предлогам, эти нар. - предлоги отрешаются от глаголов (или другой части речи от которой зависят, напр. прилагательных) и примыкают к своему дополнению. Вместе с дополнением теперь, после получения предложной природы, они снова представляют наречие в виде новой синтагмы. Но, конечно, эта синтагма относится теперь к целому предложению.

Я упомянул в начале различные виды предложных обозначений. Проанализировать вполне мы могли только то, что развивалось в области наших языков. Но всеми отдельными славянскими языками унаследованы и праславянские предлоги, которые можно было проанализировать только отчасти. И тут мы видели все те общие черты, какие имеются и у новых образований, так что можно смело думать, что и их происхождение то же самое. Этим

подтверждается только давно известная особенность всех языков — что в их процессах принципиальная сторона не меняется.

Таким образом, только в отдельной жизни того или другого славянского языка можно хорошо проследить образование предлогов. Я упомянул сначала в качестве источника предлогов наречия как *ближе, ван* и под. О них я не буду дальше распространяться, а упомяну также, что дальнейший источник предлогов — наречия, представляющие падежи существительных, как *Посредством, Пушем, Помогу* (спомогу), *силом, снагом* и под. (*Он је шо Ђосћигао Ђосредством веза, Пушем истине досћеш до великих ошкрића, Помогу велике војске није Шешко Ђобећиваши, Силом ума свога он је Ђосћао човек, Снагом разума све ћеш Ђосћити* и т. д.), но которые наша грамматика не считает таковыми. Правда, у многих из них связь со значением существительных еще очень близка (*силом, снагом* и под.), так что за ними можно признать переходное положение, но у многих имеется уже настоящее предложное значение (*Посредством, Пушем, Помогу* и под.). Только до известной степени и можно предлогами назвать глагольные деепричастия *искључујући, захваљујући* и под. в других славян. яз., ибо они, как верно заметил Виноградов, сохранили систему глагольного управления.¹²

Очень многочисленны в современных языках предложные сочетания, составленные из двух или больше слов. Я показал, что в таких случаях в сербскохорв. языке эти предложные сочетания превращаются в существительное, становящееся предлогом и получающее значение целого сочетания, непосредственно правящее зависимым падежом (обыкновенно родительным) и отрешающееся от остальной части синтагмы (*место, чело, врх* и под.); такие случаи можно усмотреть в чешском языке¹³ в предлогах (*chyba, konec, kraj, miesto, vrh*). Но также словосочетания указанного типа могут дать и сложные предлоги (*надомак, Полаг, ввиду, в течение, вследствие* и под.).¹⁴

Синтагматские образования этого типа многочисленны во всех славянских языках, а в особенности в русском языке, только я не вполне согласен с Черкасовой, когда она называет все предложные синтагмы, получившие морфологически характерные черты

¹² Русский язык (1947), 679—684.

¹³ J. Gebauer, *Historická mluvnice jazyka českého*, 1929, 422—515.

¹⁴ Ср. интересную работу Е. У. Черкасовой под заглавием К изучению образования русских отыменных предлогов (Исследования по грамматике русского литературного языка, Сборник статей АН СССР, 1955, 73—139).

отдельных синтагм, — предлогами. С другой стороны, она не соглашается¹⁵ с Виноградовым, когда случаи как *во избежание*, *в интересах* и под. он называет отыменными предлогами. Конечно, предлогами трудно их назвать, точно так же как и упомянутые словосочетания Черкасовой, но это несомненно такие же предложные синтагмы как и „типичные“ синтагмы Черкасовой. В цепи образования предлогов из синтагм в упомянутых случаях следует усматривать первую ступень таких образований, вторую ступень — в уже типизированных предложных синтагмах, а третью в уже готовых сложных предлогах (как *ввиду*, *вследствие* и под.).

Еще один вопрос затронут в упомянутом исследовании. Необходимо ли, чтобы все синтагмы раньше чем получить предложное значение, стали наречными? Хотя допускается, что так обыкновенно бывает, считается, что это не необходимое условие. Это оправдывается тем, что некоторые предлоги (*ввиду*) не засвидетельствованы как наречия. Я думаю, что в данном случае главное, чтобы везде образовалось значение, которым может модифицироваться зависимый падеж существительного. Это обыкновенно — наречие; но если такое значение может получиться вне этого — то оно равносильно наречному значению. Как оно образуется в синтагмах, заключающих в себе существительные, сочетающиеся с предлогами (*в сторону*, *по мере*, *в пользу*, *по причине*, *с целью* и др.)? Само по себе разумеется, что в таких синтагмах употребляются большей частью отвлеченные существительные, подходящие для образования различной отнесенности, способной ближе определить значения косвенных падежей. Обыкновенно и существительные материального происхождения (ср. *чело*, *пуш*, *место* и под.) имеют в своем инвентаре и более отвлеченные значения, которые можно применить в синтагме, и, наконец, сами синтагмы, являющиеся обыкновенно по природе наречными, качественными и детерминативными по значению. Они усиливают свою отвлеченность, сочетаясь с косвенным падежом существительного своего дополнения при влиянии и самого содержания этого существительного (*во имя*, *на предмет* и под.).

Отсюда ясно, что предложная категория, во всех своих видах, стала богатейшим источником для создания самых различных значений у косвенных падежей. Проф. Виноградов показывает 21 группу таких значений. Благодаря сильному развитию литературного языка это число будет постоянно возрастать. Конечно, это

¹⁵ Op. cit. 139.

не всегда еще сформировавшиеся предлоги, это даже еще не сформировавшиеся предложные сочетания. Они и представляют тот богатый материал из которого разовьется новая грамматическая категория. Но и до тех пор пока это не осуществится, они дадут литературному и народному языку новые средства для передачи все увеличивающегося богатства человеческой мысли.

Можно было бы еще сказать, что на основании всего, что упомянуто, ясно, что предложная категория развилась в течение исторической жизни языков и что поэтому она может в языках и отсутствовать. С другой стороны, во многих языках налицо данные, показывающие, как существительные с известным значением, употребляясь как наречия, легко переходят в категорию предлогов. Но это выходит из рамок настоящего исследования.

А. Белић

И з в о д

Цело је испитивање у томе да се докаже да су се предлози развили на тај начин што су извесни прилози добили и значење неког зависног падежа и модификације тога значења (напр. предл. *из* има и аблативно значење и значење „из унутрашњости нечег“). Писац утврђује да су првобитна значења зависних падежа одиошана, дакле апстрактна (уколико нису, то значи да је од реализације тих падежа стварно значење ушло и у опште датог зависног падежа); значење пак предлога је увек стварно. Он то и показује на примерима старословенског језика, што вреди и за друге словенске језике.

Предлози су постали од прилога: то показује и њихова употреба уз глаголе као префиксе. Они су могли срати са глаголима само тако што врше модификацију њихова значења, а то је функција прилога. Затим предлози имају у ст. слов. и већу слободу места него у доцнијим словенским језицима. И, најзад, као предлози употребљавају се и у ст. слов. и другим словенским језицима прилози (од придева и именица) и прилошке синтагме (на... *мѣсто* и сл.). Прилошке синтагме у различним словенским језицима постају или сложени прилози (нарочито у руск. јез.), или се цело значење синтагме усретсређује на именицу која је

¹⁶ См. О језичкој природи I књ. гл. IV т. 65; II књ. гл. 15, т. 2.

саставни део синтагме, и тако у неким словенским језицима само та именица и врши функцију предлога. И тако, ма с које стране пошли, увек је исто: или прилози који већ значе и општи зависни падеж (исп. *Па погледа Душ сунца* = у правцу сунца, према сунцу) са њиховом модификацијом или они који ту функцију добијају у реченици — развијају се у предлоге који, на тај начин, претстављају историску творевину у језицима.

Предлози постају од прилога или прилошких синтагми поменуте врсте на тај начин што се одвајају од глагола и прилазе именици са којом се слажу у значењу општег зависног падежа и чiji зависни падеж почињу одређивати. Тиме они прелазе у предлоге и предлошке изразе.